раздел **ФИЛОЛОГИЯ и ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ**

УДК 811.11+81'37

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.1.16

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА: СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОВ

© Л. Н. Ишмуратова

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел.: +7 (347) 272 74 63.**Email: lidiya.ishmuratova@yandex.ru*

Каждый язык имеет собственную языковую картину мира, в соответствии с которой носитель языка организует содержание высказывания. Именно так проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Национальные особенности восприятия людьми мира, различные способы мышления и интерпретации языковой и неязыковой действительности, специфика языковых картин мира наиболее ярко высвечиваются на фоне сопоставления лексики различных языков, поскольку именно при помощи лексических средств языка человек стремится передать свои знания, впечатления и мироощущения.

Сопоставительные исследования разноструктурных языков в настоящее время утверждаются как одно из центральных направлений в лингвистике. Анализ в таком плане позволяет выявить общие тенденции развития языков как способа отражения мира, показать уникальность и национальное своеобразие каждого из них. Сопоставительный анализ системы номинации предметов и явлений окружающего мира в таких разноструктурных языках, как башкирский и русский, несомненно, выявляет универсальные и индивидуальные свойства языков в членении и категоризации объективной действительности. Универсальные свойства обуславливаются единством окружающего мира и единством человеческого мышления благодаря единой системе органов чувств человека. Индивидуальные свойства языков в нашем исследовании определяются самим материалом анализа – лексикой, отражающей реалии русского и башкирского языков.

Особое внимание уделено выявлению сходств и различий в номинации реалий разными народами. Представленная классификация реалий по характеру дифференциальных признаков, лежащих в основе наименования, отражает специфические черты народного характера, культурные и исторические традиции людей. Описание языковых картин мира в аспектах сопоставительной лексикологии и семасиологии – это анализ одного языка в зеркале другого, осознание своего языка и культуры, своего видения мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, внутренняя форма слова, русский язык, башкирский язык, сопоставительно-семасиологический анализ, универсальные и индивидуальные свойства языков, мотивированная основа слова.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется «языковой картиной мира».

Как известно, в языкознании термин «внутренняя форма» был введен В. фон Гумбольдтом, который подробно описал «внутреннюю форму», опираясь на связь языка и мышления; определил связь внутренней формы с тем, что впоследствии было названо «языковой картиной мира». В. фон Гумбольдт отмечал, что «внутренняя форма и есть видение материи мира вещей и явлений...», причем «...в каждом языке заложено самобытное миро-созерцание, свойственное именно данному субъекту – будь то народ или даже отдельный индивид» [1, с. 80].

Известный ученый Потебня, наследуя идеи Гумбольдта, разрабатывал проблему соответствия между звучанием и значением. Он выделял внешнюю форму слова, звучание, и его содержание, т.е. значение. Связь между внешней формой и его содержанием по Потебне – это внутренняя форма, т.е. мотивированное представление данного значения в данном звучании. Внутренняя форма дает объяснение, почему данное содержание облечено в данном конкретном языке в соответствующее звучание. Чтобы дать наглядное представление о внутренней форме, Потебня рассматривал статую богини правосудия. Мрамор, из которого сделана статуя, – это внешняя форма. Содержание – справедливость. Представление справедливости в виде женской фигуры с мечом в одной руке и весами в другой – это внутренняя форма. Внутренняя форма в слове – это способ, которым содержание представлено в данном звучании [11, с. 24].

Внутренняя форма – это след того процесса, при помощи которого языком было создано данное слово, по выражению Ю. С. Маслова, «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [10, с. 113].

Особенно ярко внутренняя форма производных слов выступает при сравнении языков. «Во внутренней форме отдельных слов в различных языках мы обнаруживаем не только специфически самобытные способы проявления понятия в его звуковой оболочке, но и черты известного сходства в способах выявления понятия в различных языках» [12, с. 18].

Действительно, в разных языках один и тот же предмет может быть назван на основе одинаковых признаков. Так, в основу номинации слов *кукушка* (русс.) и *кәкүк* (башк.) в значении «лесная перелетная птица» положен звукоподражательный признак: от *ку-ку*, *ку-ку* и *кә-күк-кә-күк* (по характерному крику птиц). Ср. также: слова *колокол* (русс.) и *кыңгырау* (башк.) в значении «отлитый из металла ударный самозвучающий музыкальный или сигнальный инструмент в форме полого усеченного конуса с подвешенным внутри металлическим стержнем» образованы от звукоподражательных слов *кол-кол* и *кың-гыр-кың-гыр* (по звучанию этих предметов); а слова *ворона* (русс.) и *жарга* (башк.) в значении «птица» – от *вѣр-вѣр* и *кар-кар* (по издаваемым звукам птиц); *цыпленок* (русс.) и *себеш* (башк.) в значении «птенец курицы» – от *цып-цып* и *себ-себ* (по подзыву птиц).

В основу номинации птицы *лебедь* (русс.) и *аккош* (башк.) положен один и тот же объективный признак – белый цвет оперенья (*лебедь* – от древнего корня *леб-*, что значит «белый» и *ак* – белый, *кош* – птица). Также по цвету оперенья названа птица *голубой* (русс.) и *күгәрсен* (башк.) от прилагательного *голубой* и глагола *күгәрергә* (синеть); птица *белоглазка* (русс.) и *акжүз* (башк. *ак* – белый и *жүз* – глаз) получила свое название за кольцо из белых перышек вокруг глаз; в основу номинации слов *красноперка* (русс.) и *кызылганат* (башк. *кызыл* – красный и *ганат* – плавники) положен один признак по цвету: все плавники этой рыбы ярко-красные.

Часто в словах обоих языков мотивированной основой выступает глагол или глагольная форма. Так, в башкирском языке густая вареная сметана *каймак* (сливки, снятые с топленого молока) получила свое название от глагола *кайырырга*, *айырырга* – «отделять», и русское слово *сметана* буквально означает тоже «сметенные сливки с молока». Ср. также: слова *пила* и *бысыкы*, *басақ* – от *пилить* и *бысырга*, *серп* и *урақ* – *срезать* и *урьу*, *грабли* и *тырма* – *грабить* (в значении «сгребать в одну кучу») и *тырматыу* (сгребать), *коса* и *салғы* – *косить* и *салыу*, *сеялка* и *сәскес* – *сеять* и *сәсеу*, *гребка* и *йылыткыс* – *гребть* и *йылытыу*, *варенье* и

кайналма – *варить* и *кайнатырга*, *сверло* и *бырау* – *сверлить* и *бурьу*.

В обоих языках наблюдается частичное совпадение внутренней формы слова. Так, слова *кәйәнтә* (башк.) и *коромысло* (русс.) в значении «предмет для ношения двух ведер на плече» образованы от существительного *койо* (колодец), буквально «ходить с коромыслом на колодец»; а русское *кора* (брус) и *омыс-* (нагружать) означает «вогнутый брус для ношения поклажи». Ср. также: *мүк еләге* (башк.) и *клюква* (русс.) в значении «стелющийся болотный кустарничек с красными кислыми ягодами» образованы от слов *мүк* (мох) и диал. *ключевина* в значении «болото». В основу номинации в обоих языках положен один и тот же объективный признак: ягода названа по месту произрастания (на болотах). Но в русском языке есть еще одна версия: слово *клюква* звукоподражательное от *клюк* (клюкать) – от звука, издаваемого ягодами при выжимании.

Название растения *боярышник кроваво-красный* (русс.) связывают со словом *боярин*: когда созревают красные ягоды, дерево прямо-таки «убрано по-боярски», а в башкирском названии *кан-кызыл энәлек* отмечен еще и другой признак: наличие колючек, в связи с этим растение используется как живая колючая изгородь.

Растение *подсолнечник* получило свое название за сходство цвета и формы корзинки с солнцем, а также за способность поворачивать соцветия вслед за солнцем в течение дня, а в башкирском языке слово *көнбағыш* (*көн* – день, *бағыу* – смотреть) означает буквально «смотрит на солнце».

Название *черепаха* дано по признаку наличия у животного костяного панциря (черепа в значении «скорлупа»), а в башкирском слове *ташбака* – буквально «каменная лягушка» (*таш* – камень и *бака* – лягушка) – прослеживается еще и связь отношения животного к классу земноводных (черепаха и лягушка из одного класса).

Молочный продукт *простокваша* (русс.) получил такое название, потому что *заквашивается* простым способом, а *катык* (тоже простокваша из кипяченого молока) получил свое название от тюркского глагола *катырга* – «твердеть», «творожиться»; общим признаком номинации в обоих языках является способ приготовления продукта.

Кора растения *волчьего лыка* (русс.) и *бүре емеше* (башк. букв. «волчий плод») очень жесткая и прочная, из нее производили лыко, канаты, веревки и бумагу – именно этому свойству растение обязано своим названием.

Слово *зонтик* заимствовано в XVIII в. из голландского языка, в котором *zondok* – «покрышка от солнца» является сложным словом, где *zon* – «солнце» и *dok* – «покрышка»; а в башкирском языке этот предмет называется *қулсатыр* (*қул* – рука, *сатыр* – шатер, крона).

Выбор свойства для номинации чаще всего бывает субъективен. Поэтому в разных языках од-

ни и те же предметы могут называться по их разным признакам, и таким образом выявляется национально специфический, присущий только данному народу компонент субъективной внутренней формы. Так, слово *кәрәк* (башк.) в значении «ручное орудие для копания, сгребания с рукояткой и широким плоским отточенным концом» образовано от глагола *кәрәү* (копать), а *лопата* (русс.) в том же значении – от древнерусского *лопа* в значении «широкая как лист»; в основу номинации в обоих языках положены разные признаки: действие и форма.

Металлический прут, изготовленный методом волочения, назван словом *проволока*, образованным от глагола *волочить*; а башкирское слово *тимерсыбык* отметило другой признак: *тимер* – «железный», *сыбык* – «прут».

В башкирском языке слово *йозак* в значении «приспособление для запираания чего-нибудь ключом» получило свое название по сходству его с кулаком – *йозроҡ*, а русское *замок* в том же значении – от глагола *замкнуть* (при нахождении «за» чем-то надежным).

Название *костыль*, видимо, объясняется костяным набалдашником или тем, что он служил заменителем поврежденной кости; а в башкирском языке этот предмет называется *ҡулты таяғы* (*ҡултык* – «подмышки» и *таяғы* – «палка»), что дословно переводится как «палка для подмышки».

Лягушка свое название получила по движению задних конечностей при передвижении (лягать, т.е. «сбрыкивать лягами», ляга – бедро), а слово *бака* (башк.) в том же значении образовано от звукоподражательного *ба-к-ба-к*.

В русском языке ягода *земляника* получила свое название по низкой подвеске ягод: ее спелые ягоды почти лежат на земле, а *кайын еләге* (башк.) – буквально «ягода, растущая в березняке».

Слово *желудок* (русс.) назван по форме, напоминающей плод дуба, а *аш ҡаҙан* (башк.) буквально *аш* – еда и *ҡаҙан* – котелок, т.е. «орган пищеварения».

В русском языке птица *снегирь* названа так, потому что прилетает в среднюю полосу с Севера вместе с первым снегом и заморозками, а в башкирском языке в номинации птицы *ҡызылтууш* использован другой признак: ее красная грудка (*ҡызыл* – красный и *тууш* – грудка).

Название растению *смородина* дано по сильному и терпкому запаху (смородь, смрад – «сильный запах»), а башкирский язык в слове *ҡарагат* отмечает другой признак: черный (*кара*) цвет ягоды.

Хвойное дерево *лиственница* получило свое название за способность терять листья осенью как лиственные, а башкирское слово *ҡарағас* отметило другой признак дерева: *кара* – черный и *ағас* – дерево, буквально «черное дерево».

Название рыбе *линь* дано по липкому слизистому покрову (от глагола «липнуть» – *липнү*,

прилипнү), по другой версии *линь* назван по липнущей коже, сходящей с рыбы кусками, и, наконец, по третьей версии: за способность менять (линять) окраску тела на воздухе; а башкирский язык отметил другой признак рыбы *ҡарабалыҡ* (*кара* – черный и *балык* – рыба) – буквально «черная рыба».

В словах *шиповник* (русс.) и *гәлйемеш* (башк.) с общим значением «садовое или дикорастущее растение с крупными розовыми цветами, все стволы которого усыпаны очень острыми шипами», оба языка отметили разные признаки: *шиповник* – наличие шипов, а *гәлйемеш* (*гәл* – цветок и *йемеш* – ягода) – буквально «цветок-ягода».

Название растения *купальница* связано с его местообитанием: чаще всего у самой воды, словно растение купается, а *алтынбаш* (башк. *алтын* – золотой и *баш* – голова) – растение с крупными желтыми цветками.

Ягоды *ежевика* (русс.) напоминают ежеиков, а башкирский язык отметил цвет ягоды – *кара бөрләгән* (*кара* – черный).

Рыба *окунь* названа по большим глазам (от слова *око* – глаз), а башкирский язык отметил окраску рыбы – *алабуга* (*ала* – пестрый и *буга* – телец).

Видовое название растения *змеевика* отражает своеобразие формы корневища: дважды изогнутая и окоченевшая змея, а башкирский язык отметил другой признак: бледно-розовые цветочки похожи на волчьи когти, отсюда и название *буре тырнағы* (башк. *буре* – волк, *тырнағ* – коготь).

На дне цветка *медуницы* много сладкого нектара со вкусом меда, а башкирский язык отметил другую особенность растения: цветок похож на голову кукушки – *кәкүкбаш* (башк. *кәкүк* – кукушка, *баш* – голова).

Название растения *вьюнок* (русс.) объясняется вьющимся характером его стебля, а башкирский язык отметил другой признак: длинные тонкие стебли растения похожи на собачьи кишки, отсюда и название – *эт эсәге* (башк. *эт* – собака, *эсәг* – кишки).

Свое название *пустырник* (русс.) получил по месту произрастания, а в башкирском языке отмечен другой признак: соцветия похожи на львиный хвост, отсюда и его имя – *арыслан ҡойроҡ* (*арыслан* – лев и *ҡойроҡ* – хвост).

В народе говорят, что название *пескарь* произошло от слова *песок*: любит рыбка зарываться в песок. Существует и другое мнение: слово *пескарь* образовано от сущ. *писк*, ибо, когда берешь эту рыбу в руки, она издает писк (раньше так и писалось «пискарь»); а в башкирском языке эта рыбка получила имя *ташбаш* (*таш* – камень, *баш* – голова) по внешнему виду.

Название растения *мимоза* произошло от греческого *mimos* – «мимика». Что общего между словами *мимоза* и *мимика*? Оказывается, как человек движениями лицевых мышц выражает свои чувства, так и *мимоза стыдливая* способна за несколь-

ко секунд складывать свои перистые листья при малейшем прикосновении к ним. Башкирский язык отметил другой признак этого растения: место произрастания – *тропик усемлек* (*тропик* – тропический, *усемлек* – растение), буквально «тропическое растение».

Растение *плакун-трава* названо так за способность в период обильной росы или дождя собирать на кончиках листьев капли и ронять их, как слезы, и кажется, что растение «плачет»; а башкирский язык отметил еще и другой признак: яркие пурпурные цветки похожи на огонь, отсюда и название растения *илагут* (башк. *илаг* – плачущий, *ут* – огонь).

Плоды растения *реброплодника* (русс.) наделены тонкими острыми ребрами, этот признак отмечен в его названии; а в башкирском языке растение получило имя *курай*: из высохших стеблей его делают народный духовой музыкальный инструмент курай, который отдаленно напоминает флейту и имеет своеобразный тембр с приятной хрипотцой.

Эти примеры показывают, как одно и то же понятие осмысливается народами с разных сторон.

Материал сопоставительного исследования двух разноструктурных языков, как отмечает К. З. Закирьянов, дает четкое представление о том, какие лингвистические явления и их признаки полностью совпадают в них, какие – совпадают частично, какие – полностью различаются. Эти знания помогают отслеживать процессы влияния родного башкирского языка на изучаемый неродной русский язык и наоборот, а также управлять этими процессами [5, с. 228].

Таким образом, сравнивая средства обозначения в разных языках, сопоставляя соотносительные номинации и принципы наименования различных реалий, мы познаем национальное своеобразие этих языков и выявляем, как работает механизм языкового сознания их носителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 250 с.
2. Закирьянов К. З. Сопоставительная типология русского и башкирского языков. Фонетика. Лексика и фразеология. Словообразование: Учебное пособие. Уфа: РИО БашГУ. 2002. 212 с.
3. Закирьянов К. З. Сопоставительная грамматика русского и башкирского языков: монография. Уфа: Гилем, 2004. 227 с.
4. Закирьянов К. З. Сопоставительно-типологическое описание русского и башкирского языков (лингвометод. аспект): пособие для учителя. Уфа: Китап, 2007. 232 с.
5. Закирьянов К. З. Сопоставительное исследование разноструктурных языков: лингвометод. аспект / Российский гуманитар. журнал, 2015. Т. 4. №3. С. 225–231.
6. Замалетдинов Р. Р. Сопоставительная грамматика татарского и русского языков: учеб. пособие (на тат. яз.). Казань: изд-во Казан. ун-та, 2004. 144 с.
7. Ибрагимова В. Л., Фаткуллина Ф. Г. Отражение межкультурного взаимодействия в башкирской и русской языковых картинах мира // Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтническом пространстве. Всеросс. научно-практ. конф. (с междунар. участием), посвящ. 80-летию ак. АН РБ М. В. Зайнуллина: в 2-х ч. 2015. С. 100–106.
8. Ишмуратова Л. Н., Галлямов А. А., Силиванец А. В. Занятия, образ жизни и традиции башкир: учеб. пособие по развитию устной речи нерусских студентов (на мат-ле краеведения). Уфа: РИО БашГУ, 2003. 112 с.
9. Ишмуратова Л. Н. Занимательный русский язык (Рекомендовано МО РБ): учеб. пособие для учащихся и учителей. Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. 141 с.
10. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: учеб. для вузов. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
11. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1981. Т. 1. 2. С. 17–19.
12. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 268 с.
13. Рахматуллина А. Ф. Понятие внутренней формы слова в современном языкознании / Вестник Баш. ун-та, 2008. Т. 13. №4. С. 1004–1008.
14. Сафиуллина Ф. С., Байрамова Л. К. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1998. 197 с.
15. Серебренников Б. А. Всякое ли сопоставление полезно? // Русский язык в национальной школе. 1957. №2. С. 10–15.
16. Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / под ред. В. Н. Ярцева. М., 1987. 240 с.
17. Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2004. С. 19–40.
18. Трубаев О. Н. Этимология // Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004. С. 61–63.
19. Уфимцева А. А. Лексическое значение: // Принципы семантического описания лексики. М.: Наука. 1986. 240 с.
20. Фаткуллина Ф. Г., Сулейманова А. К. Языковая картина мира как способ концептуализации действительности. Уфа, 2011. Вестник БашГУ. Т. 16. №3(1). 2011. С. 1002–1005.
21. Фаткуллина Ф. Г. Языковая картина мира: ее основные признаки, типология и функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. №4. URL: <http://www.science-education.ru/110-9954> (дата обращения 26.08.2013).
22. Фаткуллина Ф. Г. Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана: Актуальные вопросы межнационального взаимодействия и межкультурной коммуникации в образовании: мат-лы Городской научно-практ. конф. М., 24 ноября 2014 г. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 190–197.
23. Юсупов Р. А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. 255 с.
24. Русско-башкирский словарь. В 2-х тт. / под ред. З. Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. 1480 с.
25. Этимологические словари (Цыганенко Г. П., 1989; Шанский Н. М. и Боброва Т. А., 1997; Волина В. В., 2000; Глинкина Л. А., 2001; Андреева Р. П., 2002; Крылов Г. А., 2004; Сараева А. Н., 2004; Аникин А. Е., 2007; Рут М. Э., 2009; Шаповалова О. А., 2010; Шапошников А. К., 2010; Белкин М. В., Румянцев И. А., 2011; Федорова Т. Л., 2012 и др.).

Поступила в редакцию 09.11.2019 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.1.16

INTERNAL WORD FORM: COMPARATIVE SEMASIOLOGICAL ANALYSIS OF LEXICAL UNITS OF RUSSIAN AND BASHKIR LANGUAGES

© L. N. Ishmuratova

*Bashkir State University**32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Phone: +7 (347) 272 74 63.**Email: lidiya.ishmuratova@yandex.ru*

Each language has its linguistic worldview according to which the native speaker organizes the content of the utterance. This is how a specific human perception of the world, fixed in language, manifests itself. National features of people's perception of the world, different ways of thinking and interpreting linguistic and non-linguistic reality, the specifics of linguistic worldviews are most clearly highlighted within juxtaposing vocabulary of different languages. Since it is the lexical means of a language, which are used to convey one's knowledge, impressions, and world perceptions. Comparative studies of different structural languages are currently considered as one of the central trends in linguistics. Analysis in this regard enables us to identify general trends in the development of languages as a way of reflecting the world, to show the uniqueness and national identity of each of them. A comparative analysis of the object and phenomena nomination system in such different languages as Bashkir and Russian undoubtedly reveals the universal and individual properties of languages in the division and categorization of objective reality. Universal properties are ascertained by the unity of the surrounding world and the unity of human thinking thanks to a single system of human senses. The individual properties of languages in this study are determined by the analysis of vocabulary that reflects the realities of the Russian and Bashkir languages. Particular attention is paid to identifying similarities and differences in the nomination of realities by different peoples. The presented classification of realities based on the nature of the differential features that underlie the name reflects the specific features of the national character, cultural and historical traditions of people. The description of linguistic pictures of the world in aspects of comparative lexicology and semasiology is an analysis of one language in the mirror of another and the awareness of one's language and culture, one's vision of the world.

Keywords: linguistic picture of the world, internal form of the word, Russian language, Bashkir language, comparative semasiological analysis, universal and individual properties of languages, motivated word stem.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Humboldt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Selected works on linguistics]. Moscow, 1984.
2. Zakir'yanov K. Z. *Sopostavitel'naya tipologiya russkogo i bashkirskogo yazykov. Fonetika. Leksika i frazeologiya. Slovoobrazovanie: Uchebnoe posobie* [Comparative typology of Russian and Bashkir languages. Phonetics. Lexis and phraseology. Word formation: Textbook]. Ufa: RIO BashGU. 2002.
3. Zakir'yanov K. Z. *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i bashkirskogo yazykov: monografiya* [Comparative grammar of Russian and Bashkir languages: monograph]. Ufa: Gilem, 2004.
4. Zakir'yanov K. Z. *Sopostavitel'no-tipologicheskoe opisanie russkogo i bashkirskogo yazykov (lingvometod. aspekt): posobie dlya uchitelya* [Comparative-typological description of Russian and Bashkir languages (linguomethod. aspect): textbook for teacher]. Ufa: Kitap, 2007.
5. Zakir'yanov K. Z. *Sopostavitel'noe issledovanie raznostrukturnykh yazykov: lingvometod. aspekt / Rossiiskii gumanit. zhurnal*, 2015. Vol. 4. No. 3. Pp. 225–231.
6. Zamaletdinov R. R. *Sopostavitel'naya grammatika tatarskogo i russkogo yazykov: ucheb. posobie (na tat. yaz.)* [Comparative grammar of Tatar and Russian languages: textbook (in Tatar language)]. Kazan': izd-vo Kazan. un-ta, 2004.
7. Ibragimova V. L., Fatkullina F. G. *Yazyk i kul'tura: problemy sootnosheniya i vzaimodeistviya v politnicheskome prostranstve. Vseross. nauchno-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem), posvyashch. 80-letiyu ak. AN RB M. V. Zainullina: v 2-kh ch.* 2015. Pp. 100–106.

8. Ishmuratova L. N., Gallyamov A. A., Silivanets A. V. Zanyatiya, obraz zhizni i traditsii bashkir: ucheb. posobie po razvitiyu ustnoi rechi nerusskikh studentov (na mat-le kraevedeniya) [Activities, lifestyle and traditions of the Bashkirs: textbook on development of oral speech of non-Russian students (on the material of local history)]. Ufa: RIO BashGU, 2003.
9. Ishmuratova L. N. Zanimatel'nyi russkii yazyk (Rekomendovano MO RB): ucheb. posobie dlya uchashchikhsya i uchitelei [Entertaining Russian language (Recommended by the Ministry of Education of the Republic of Bashkortostan): textbook for students and teachers]. Ufa: GUP «Ufimskii poligrafkombinat», 2004.
10. Maslov Yu. S. Vvedenie v yazykoznanie: ucheb. dlya vuzov [Introduction to linguistics: textbook for universities]. Moscow: Vysshaya shkola, 1987.
11. Potebnya A. A. Iz zapisok po russkoi grammatike [From notes on Russian grammar]. Moscow, 1981. Vol. 1. 2. Pp. 17–19.
12. Potebnya A. A. Mysl' i yazyk [Thought and language]. Moscow: Labirint, 1999.
13. Rakhmatullina A. F. Vestnik Bash. un-ta, 2008. Vol. 13. No. 4. Pp. 1004–1008.
14. Safiullina F. S., Bairamova L. K. Sopostavitel'nyi sintaksis russkogo i tatarskogo yazykov [Comparative syntax of Russian and Tatar languages]. Kazan': izd-vo Kazan. un-ta, 1998.
15. Serebrennikov B. A. Russkii yazyk v natsional'noi shkole. 1957. No. 2. Pp. 10–15.
16. Sopostavitel'naya lingvistika i obuchenie nerodnomu yazyku [Comparative linguistics and teaching non-native language]. Ed. V. N. Yartseva. Moscow, 1987.
17. Toporov V. N. Issledovaniya po etimologii i semantike. Vol. 1. Moscow, 2004. Pp. 19–40.
18. Trubachev O. N. Etimologiya //Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura. Vol. 1. Moscow, 2004. Pp. 61–63.
19. Ufimtseva A. A. Printsipy semiologicheskogo opisaniya leksiki. Moscow: Nauka. 1986.
20. Fatkullina F. G., Suleimanova A. K. Yazykovaya kartina mira kak sposob kontseptualizatsii deistvitel'nosti. Ufa, 2011. Vestnik Bash-GU. Vol. 16. No. 3(1). 2011. Pp. 1002–1005.
21. Fatkullina F. G. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. No. 4. URL: <http://www.science-education.ru/110-9954> (data obrashcheniya 26.08.2013).
22. Fatkullina F. G. Otrazhenie natsional'noi yazykovoi kartiny mira v realiyakh Bashkortostana: Aktual'nye voprosy mezhnatsional'nogo vzaimodeistviya i mezhkul'turnoi kommunikatsii v obrazovanii: mat-ly Gorodskoi nauchno-prakt. konf. M., 24 noyabrya 2014 g. Moscow: FGBOU VPO MGLU, 2014. Pp. 190–197.
23. Yusupov R. A. Leksiko-frazeologicheskie sredstva russkogo i tatarskogo yazykov [Lexico-phraseological means of Russian and Tatar languages]. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1980.
24. Russko-bashkirskii slovar'. V 2-kh tt. Ed. Z. G. Uraksina [Russian-Bashkir dictionary. In 2 volumes]. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya, 2005.
25. Etimologicheskie slovari (Tsyganenko G. P., 1989; Shanskii N. M. i Bobrova T. A., 1997; Volina V. V., 2000; Glinkina L. A., 2001; Andreeva R. P., 2002; Krylov G. A., 2004; Saraeva A. N., 2004; Anikin A. E., 2007; Rut M. E., 2009; Shapovalova O. A., 2010; Shaposhnikov A. K., 2010; Belkin M. V., Rummyantsev I. A., 2011; Fedorova T. L., 2012 i dr.).

Received 09.11.2019.